

*Зарубежный
романтический
бестселлер*

РОМАНЫ

КАРЕН УАЙТ

КАРЕН УАЙТ

Рансодия ветреного острова

Танцующая на гребне волны

САРА ДЖИО

Ежевичная зима

Фиалки в марте

Соленый ветер

Последняя камелия

Утреннее сияние

КАРЕН УАЙТ



*Танцующая
на гребне волны*



МОСКВА
2019

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

У13

Karen White

SEA CHANGE

Copyright © Harley House Books, LLC, 2012

Conversation Guided Copyright © Penguin Group (USA), Inc., 2012

All rights reserved including the right of reproduction in whole or in part in any form. This edition published by arrangement with NAL Signet, a member of Penguin Group (USA) LLC, a Penguin Random House Company

Copyright © Photograph by Claudio Marinesco.

Перевод с английского *И. Гюббенет*

Художественное оформление *С. Власова*

Уайт, Карен.

У13 Танцующая на гребне волны / Карен Уайт ; [пер. с англ. И. Гюббенет]. — Москва : Эксмо, 2019. — 544 с.

ISBN 978-5-04-100783-6

Ава Уэйлен всем сердцем любит Мэтью, но, поселившись после свадьбы в его доме на острове, осознает, что не так уж хорошо знает собственного мужа. Она находит в одной из комнат странные рисунки и заключает, что их автором была женщина. Но кем она приходилась Мэтью?

Скоре Ава вступает в местное Историческое общество, где ее втягивают в расследование, уходящее корнями в прошлое более чем на столетие. Какое же изумление постигает Аву, когда ей становится ясно, что она, Мэтью, загадочный автор рисунков и сестры-близнецы, жившие на острове более века назад, — это звенья одной цепи, лишь разорвав которую, она сможет обрести покой.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

© Гюббенет И., перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-100783-6

*Моей бесценной Меган.
Я горжусь быть твоей матерью.*

БЛАГОДАРНОСТИ

Несмотря на долгие часы, которые я провожу в кресле за компьютером, творчество отнюдь не всегда предполагает одиночество. Каждая написанная мной книга во многом зависела от щедрости других людей, желавших поделиться своими знаниями, и «Преображение» не является в этом случае исключением.

Моя бесконечная благодарность Диане Вайз, доброму другу — она стала неоценимым источником информации о беременности и деторождении, — пожалуйста, никогда не оставляйте свою работу!

Спасибо всем обитателям острова Сент-Саймонс за неизменно теплый прием, особенно это Мэри Джейн Рид из замечательного книжного магазина «Форд», Томми Бакстер Кэшин и Сьюзен Киннамон-Брок, которые любезно согласились прочитать рукопись перед публикацией.

Как всегда, благодарю Венди Вэкс, Сьюзен Крэндолл, Тима, Миган и Коннора за их терпение и любовь, всегда знающих, когда мне бывают нужны реальные факты, чтобы меня стимулировать.

Даже времена года, сменяясь, образуют круг и всегда возвращаются туда, откуда они пришли. Человеческая жизнь есть круг от детства к детству, и так всегда и во всем, где действуют божественные силы.

*Черный Лось, шаман
индейского племени оглала*

Пролог

*Памела
Сент-Саймонс-Айленд, Джорджия
Сентябрь 1804*

Шторма зашвыривают в нашу судьбу обрывки чужих жизней — в напоминание, что мы не одни и мы уязвимы. Вот и сейчас равнодушные волны совсем истерзали песчаный берег, разметав по нему множество разных предметов. На этот раз мои глаза выхватили среди кусков дерева чудом уцелевшую фарфоровую чашку и мужские часы — с крышкой и цепочкой, — они лежали на песке так наглядно и аккуратно, будто лавочник бережно и пристрастно разложил здесь свои товары. Чья-то потеря — моя находка, подумала я, осторожно водя пальцем по краешку чашки. Приливы сменяют отливы, и этот закон незыблем. А иногда концы и начала настолько близки, что, кажется, сливаются воедино, образуя волну, какие набегают одна за другой в океане.

Деревянные обломки, останки дома или корабля... В деревянных объятах поблескивает металл. Я опасливо просунула руку меж двух досок. Пальцы коснулись чего-то твердого, маленького и холодного. На-

ходка была — золотое венчальное кольцо, потертое, с почти стершейся надписью на внутренней стороне. Кольцо слабо блеснуло в лучах тусклого солнца. Я прищурилась и разобрала надпись внутри. «Навсегда».

Я зажала кольцо в кулаке. Чье оно было? И как его занесло сюда? Но это все неспроста... Через три дня моя свадьба, если только Джеффри, занятый спасением того, что буря пощадила из его урожая хлопка, сумеет выкроить время. Я не была его первой избранницей, но он был моим первым любимым мужчиной, и я ощутила свою странную связь с этой женщиной, которой когда-то принадлежало кольцо... «Навсегда», — прочитала я снова.

Солнце отважно пыталось пробиться сквозь облака. Прищурившись, я следила за ним. Я знала, что оно победит — за штормами всегда приходят самые ясные дни. Последний шторм был невероятно сильным, настолько сильным, что поразил Брутон-Айленд, уничтожив там всех — и крошку Маргарет, которой только неделю назад я помогла появиться на свет. Меня терзали вопросы — и среди них более других тот, почему она была послана в этот мир на такое короткое время? Для чего пережила такие тяжкие родовые муки ее мать? Вынес ли кто-то урок из случившегося? О себе я такого сказать не могла. Я акушерка и приняла все как факт, но понять его я не в силах.

Пара черных ножеклювов пронеслась по белесому небу так близко к волне, что в поисках ужина они легко могли бы сами оказаться чьей-то добычей. Птицы вернулись. После шторма они всегда возвращаются,

но в первые дни затишья не скажешь наверняка. Как приливы и отливы, они возвращались туда, откуда они улетали, верные нам, остающимся на одном месте. Я следила за тем, как они носятся над водной поверхностью, и слышала их голодные крики над пустынным песчаным берегом. Постояв так, я неторопливо пошла к дому, где жила с отцом и младшей сестрой. В руке я крепко сжимала кольцо, маленький золотой обруч без конца и начала — всегда ли они различимы?

Глава 1

*Антиох, Джорджия
Апрель 2011*

Я топталась возле родительского дома, даже сквозь кожаные подметки туфель ощущая жар разогревшегося на солнце асфальта. Дом был в колониальном стиле, и я прожила здесь большую часть своих тридцати четырех лет... Буйно цвели недотроги, предмет садовых усердий моей матушки. Погода не осмеливалась бросить ей вызов и заставить ее цветы завянуть — Глория Уэйлен управлялась с садом точно так же, как со своими пятью детьми, и неповиновение ей было такой же редкостью, как январский снег в Джорджии.

Капля пота скатилась у меня по спине. Мы с мужем мучились от жары, как будто это была не весна, а начало июля. Сквозь звон в ушах я силилась связно общаться с Мэтью, дескать, в западной Джорджии лето всегда такое, оно наступает внезапно, так что весна кажется прохладным вечером между зимой и серединой лета. Мэтью родом был с побережья, поэтому о жаре он кое-что знал, правда, влажной жаре.

Он держал меня за руку, а я стояла лицом к отцу и четверем моим братьям, в возрасте от пятидесяти пяти до сорока пяти лет, они выстроились как на прощальной церемонии или демонстрации силы чужаку, которого я избрала себе в мужа. Даже теперь, в этой домашней сцене, в них можно было узнать владельцев похоронного бюро, кем они, собственно, и являлись. Фирму «Уэйлен и сыновья» держали в семье моего отца уже три поколения, и серьезное, сосредоточенное выражение на всех пяти лицах было скорее генетически обусловленным, нежели принятым по соответствующему поведению.

Жены моих братьев и мои многочисленные племянники и племянницы, будто по негласному уговору, скрылись в доме, столпившись у двери в спальню моей матери — в знак сочувствия ей. Она не открывала эту дверь с момента моего прибытия сюда нынешним утром. Я побывала дома накануне, в день моей свадьбы, чтобы дать ей время освоиться с этой новой для нее ситуацией. Даже Пол Отри, с кем я была помолвлена четыре года, воспринял это известие легче.

Я отпустила руку Мэтью и обняла отца. На мгновение он прижал меня к себе — и тут же слегка отстранил. Я к этому привыкла. Несмотря на то что я была младшим ребенком в семье и единственной девочкой и знала, что мои родители надеялись родить дочь и очень ждали моего появления на свет, они, казалось, избегали крепко меня обнимать, опасаясь за хрупкость своего счастья. Быть может, они боялись, что судьба,

подарившая им меня по своей прихоти, подстережет и — как знать? — отнимет у них меня.

— Может быть, я все же сумею поговорить с мамой? — спросила я. Впрочем, мне этого не хотелось. Просто очень неприятно оставлять между нами какую-то недоговоренность... Вот уж чего бы мне не хотелось, так это чтобы она думала, будто я нуждаюсь в ее одобрении! С возрастом я утратила подобную необходимость вместе со средствами от прыщей и исправляющими прикус коронками.

Отец отрицательно покачал головой:

— Дай ей время, Ава. Она примирится с этим. Для нее это был настоящий удар, как и для всех нас. Ты же знаешь, Глория не любит сюрпризов. Но с этим свыкнется.

Я не скрыла сомнения в справедливости его слов. Мать огорчилась, когда я сказала ей, что вышла замуж. Хотя она никогда не признавалась в этом, но я-то знала, что она вынашивала в мечтах мою пышную свадьбу у нее в саду, со всяческими украшениями, подобающими ее единственной дочери. Она слегка оттаяла, когда я сказала ей, что переезжаю жить на Сент-Саймонс. У нее были четыре невестки, жившие с нею поблизости, и они были не только готовы, но и стремились заботиться о ней как о главе семьи, кем она привыкла себя считать. Всю свою жизнь я могла видеть из окна моей спальни три дома моих братьев — дома были совершенно одинаковые, за исключением разного цвета дверей, с аккуратными газонами и одинаковыми черными машинами у подъездов. Это всегда

наводило меня на мысли — какой дом на этой улице станет когда-то моим? Такая мысль вызывала у меня кошмары похуже тех, что снились мне после того, как мой старший брат Стивен взял меня с собой в комнату для бальзамирования. Меня напугала тогда не холодная реальность смерти, но то, что я уже не буду жить прежней жизнью.

Я обошла моих братьев, выстроившихся по привычке по старшинству — от младшего к старшему — Дэвид, Джошуа, Марк и Стивен, — и обняла каждого. Мэтью следовал за мной, пожимая каждому руку. Напоследок он повернулся к моему отцу:

— Я буду очень о ней заботиться, сэр.

— Да уж, постарайся. Мы ее очень любим. — Испытывавший неловкость при всяком открытом выражении эмоций, отец прокашлялся.

В глазах у меня защипало. Я снова взглянула на братьев. Их лица выражали то же теплое чувство. Никогда еще я не чувствовала себя такой отдельной от них — одинокий одуванчик в окружении подсолнухов. Внезапно я усомнилась в своих основаниях их покинуть... Не было ли мое чувство к Мэтью лишь временным средством как-то смягчить постоянное беспокойство, преследовавшее меня с момента, как я стала задумываться об окружающем мире?

Я снова повернулась к отцу:

— Скажи маме, что я люблю ее и что я приеду, как только обоснуюсь на новом месте.

И начала болтать что-то, как я всегда это делала, чтобы не дать эмоциям выплеснуться наружу...